

Международный круглый стол «Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

© 2007 г.

В. М. Зубарь

ПО ПОВОДУ ПОПЫТКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ОДНОЙ УСТАРЕВШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ: ХЕРСОНЕС И ТАВРЫ

Взаимоотношения населения Херсонеса и носителей кизил-кобинской археологической культуры, или тавров письменных источников (Herod. IV. 99; Strabo. VII. 4. 2)¹, и этнический состав населения этого античного центра, особенно на раннем этапе его существования, были теми проблемами, к которым, пожалуй, чаще всего обращались исследователи в XX в. Для их изучения использовались главным образом материалы из погребений, открытых на Северном берегу Херсонесского городища, в которых были зафиксированы захоронения в скорченном положении². Размещение умерших в могилах, типологически сходное с захоронениями носителей кизил-кобинской культуры, интерпретировалось многими советскими исследователями в духе печально известных политических установок: они писали о смешанном характере жителей раннего Херсонеса, где выходцы из варварского этнического массива играли довольно заметную роль³. Таким образом, как тогда

¹ Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. 1981. Вып. Д 1–7. С. 57–58; Храпунов И.Н. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 3–10; Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. Т. 3. С. 212–214; Кравченко Е.А. Південний Крим за античними джерелами і легендами про таврів // Наукові записки НаУКМА. 2002. Т. 20. Серія історії. Ч. 1. С. 28–34.

² Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь, 1938. С. 163–195; он же. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 155–163; он же. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи // СА. 1950. Т. 13. С. 272–284; он же. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. 1981. № 3. С. 169–171.

³ Белов. Херсонес Таврический. С. 155–163; он же. Некрополь Херсонеса классической эпохи. С. 171; Капошина С.И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // СА. 1941. Т. 7. С. 161–173; Пятыйшева Н.В. Тавры и Херсонес // КСИИМК. 1949. 29. С. 123; ср. она же. Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья // ВДИ. 1946. № 3. С. 175–182; она же. Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1956; она же. Скифы и Херсонес // ИАДК. С. 249–263; она же. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–VI вв. н.э. // Античное общество. М., 1967. С. 183–187.

казалось, археологический материал позволял «окончательно отвергнуть» устаревшую буржуазную концепцию о «чисто греческой» культуре Херсонеса⁴.

Однако впоследствии, несмотря на наличие отдельных адептов теории смешанного этнического состава населения Херсонеса⁵, было установлено, что заключение о присутствии в этом центре значительного количества варваров на раннем этапе существования полиса не соответствует действительности. Отказ от методически устаревшего подхода к этнической истории со всей очевидностью показал, что нет оснований говорить о сколько-нибудь заметном присутствии в составе населения Херсонеса варваров ни на начальном этапе его истории, ни значительно позже, а также о сколько-нибудь заметном влиянии выходцев из варварского массива на культуру греческого населения города⁶. Такой вывод, сделанный на основании изучения археологического материала с использованием широкого круга аналогий и новых теоретических разработок, хорошо согласуется с данными просопографии, свидетельствующими о ничтожном проценте имен негреческого происхождения в Херсонесе и Северо-Западной Таврике⁷.

Но несмотря на это в зарубежной и отечественной историографии последнего времени наметилась тенденция возвращения к аргументированно отвергнутой и устаревшей концепции этнической истории Херсонеса и характера взаимоотношений греков-дорийцев с таврами. Так, Дж. Хаинд считает, что уже на раннем этапе существования Херсонеса в городе жили не только херсонеситы, но и греки, прибывшие из Керкинитиды и Ольвии, а также их таврские торговые партнеры⁸.

Еще дальше пошел М.Е. Бондаренко, который полагает, что между таврами и греками с момента основания Херсонеса установились достаточно тесные, ес-

⁴ Стржелецкий С.Ф. Раскопки таврского некрополя Херсонеса // ХСб. 1948. 4. С. 95.

⁵ Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н.э. как источник изучения этнического и социального состава населения города // ДСППВГК. С. 191–204; они же. Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н.э. // КСИА. 1981. 168. С. 3–9.

⁶ Кадеев В.И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя // ВДИ. 1973. № 4. С. 108–115; он же. Об этнической принадлежности носителей имени Скиф в Херсонесе Таврическом // СА. 1974. № 3. С. 56–63; он же. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981; он же. Еще раз об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса Таврического // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 32–37; Мещеряков В.Ф. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1979. С. 104–119; он же. Религия и культы Херсонеса Таврического I–IV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980; Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического в первые века н.э. (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э.–VII в. н.э. Киев, 1987. С. 78–105; он же. Скорчені поховання із некрополя Херсонеса IV ст. до н.э. // Археологія. 1995. № 3. С. 137–146; Даниленко В.Н. Херсонес и тавры Гераклейского полуострова // МАИЭТ. 1993. Т. 3. С. 233–239 и др.

⁷ Столба В.Ф. Несколько личных имен в греческих керамических надписях из Херсонеса // Археологические вестн. 1993. № 2. С. 107–110; Stolba V. Barbaren in der Prosopographie von Chersonesos (4.–2. Jh. v. Chr.) // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Tübingen, 1996. S. 457–460; Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus. 1999. № 3. С. 122–130; он же. Херсонес и варвары Юго-Западного Крыма в IV в. до н.э. // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 151.

⁸ Hind J. Megarian Colonisation in the Western Half of the Black Sea (Sister- and Daughter-Cities of Herakleia) // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G.R. Tsatskheladze. Stuttgart, 1998. P. 142; ср. две рецензии на эту книгу: Bujtskich A. // Eurasia Antiqua. 2001. Bd 7. P. 626; она же // ВДИ. 2002. № 1. С. 205.

ли не дружеские, отношения⁹. Опираясь на ошибочные датировки и интерпретацию кизил-кобинских памятников Гераклеийского полуострова, предложенные О.Я. Савелей, он пишет, что на хоре Херсонеса в результате греко-таврского взаимодействия сформировался слой зависимого населения, втянутый в экономическую и культурную сферу греческого общества¹⁰. С точки зрения М.Е. Бондаренко, молодые неженатые мужчины, прибыв на Гераклеийский полуостров и наладив отношения с таврами, брали в жены таврских девушек¹¹. В результате этого «...уже в период жизни первого поколения колонистов между греками и таврами началась метисация (выделено мною. – В.З.)¹², которая затем активно продолжалась». И как следствие, «...таврчанки принесли в дома херсонеситов не только керамику, но и культы своих местных божеств, среди которых главным являлся культ богини-девственницы. Поэтому, если культ таврской Девы проник в Херсонес вместе с женами-таврчанками, он, по нашему мнению, не мог не быть заимствован греками»¹³. Таким образом, с точки зрения М.Е. Бондаренко, налицо полное физическое и духовное единение греков с таврами на самых ранних этапах исторического развития Херсонеса.

Однако в пользу столь принципиальных выводов М.Е. Бондаренко не приводит каких-либо новых разработок, аргументов или источников. Он по сути лишь повторил выводы своих предшественников, взяв за основу взгляды на эту проблему Г.Д. Белова и С.Ф. Стржелецкого, высказанные в середине XX в., в которых отразилась идеологическая практика того времени¹⁴. Поэтому вряд ли такой подход можно назвать правомерным. С другой стороны, работа М.Е. Бондаренко со всей очевидностью показала, что в настоящее время, базируясь только на весьма ограниченной источниковой базе, представленной в основном археологическим материалом, уже нельзя продуктивно исследовать проблему взаимоотношений греков-херсонеситов с таврами и, как ее составной аспект, вопрос о наличии в составе населения этого центра носителей негреческих культурных традиций. Для решения всего комплекса вопросов, связанных с характером греко-варварских контактов в Западной Таврике, как и в других регионах Северного Причерноморья, следует привлекать сравнительные материалы о содержании взаимоотношений между социумами, стоящими на разных стадиях общественного, социально-экономического и культурного развития, в частности о характерных

⁹ Бондаренко М.Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003. С. 12, 20–25. Монография М.Е. Бондаренко издана тиражом в 100 экземпляров, видимо на личные средства автора, без надлежащего рецензирования и указания организации, рекомендовавшей ее в печать, что, впрочем, ни в коей мере не снимает с автора ответственности за сделанные в работе выводы.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Там же. С. 25.

¹² Вряд ли в данном контексте корректно использовать понятие «метисация». Согласно «Толковому словарю русского языка» В.И. Даля, метис – это потомок от брака между людьми разных рас. А греки и носители кизил-кобинской археологической культуры, или тавры письменных источников, как установлено на основе антропологических исследований, принадлежали одной европеоидной расе.

¹³ Бондаренко. Ук. соч. С. 25; ср. Bilde P.G. Wandering Image: From Taurian (Chersonesean) Parthenos to (Artemis) Tauropolos and (Artemis) Persike // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday. Aarhus University Press, 2003. P. 165.

¹⁴ Подробнее см. Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990. С. 5–6; он же. Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна) // Археологія. 1990. № 4. С. 144–148; он же. Усе творче життя – науці археології (Пам'яті В.В. Кропоткіна) // Археологія. 2002. № 4. С. 148–150; Айбабин, Герцен, Храпунов. Ук. соч. С. 211–212.

особенностях взаимодействия первобытной периферии и сословно-классовых обществ¹⁵.

Сейчас установлено, что контакты между обществами, стоявшими на разных стадиях социально-экономического развития, подразделяются на несколько типов. Если их делить по характеру и способу реализации, то они были либо мирными, либо военными. А если в основу классификации положить функциональную роль таких контактов, то они делятся на хозяйственные, социальные, культурно-идеологические и потестарно-политические. Причем, как правило, влияние более развитых обществ на своих соседей, находившихся еще на стадии первобытнообщинного строя, было преобладающим, и оно не идет ни в какое сравнение с обратным воздействием периферии на сословно-классовые социальные организмы. Но в зависимости от уровня развития социумов, вступавших во взаимодействие, для контактов между ними в конкретно-исторических условиях были характерны определенные особенности¹⁶. Очевидно, и нужно исходить из этих положений, рассматривая особенности взаимоотношений между Херсонесом и его соседями-таврами в классический и эллинистический периоды. Такой методический подход позволит лучше осмыслить имеющийся археологический материал, внести существенные коррективы в существующие этноисторические реконструкции и избежать их политизации или модернизации.

Основными занятиями носителей кизил-кобинской культуры, или тавров письменных источников, было преимущественно отгонное, яйлажное скотоводство и примитивное земледелие, получившее развитие в долинах. Тавры вели подвижный образ жизни, о чем свидетельствует недолговременный характер их поселений (Ps.-Scymn. 831–832)¹⁷. Согласно сообщениям древних авторов (Herod. IV. 103; Strabo. VII. 4. 2; Diod. IV. 43, 54; Pomp. Mela. II. 11; Amm. Marc. XXII. 8. 33 и др.), одним из занятий тавров, помимо хозяйственной деятельности, был морской разбой¹⁸.

Не приходится сомневаться, что занятие пиратством на протяжении нескольких веков, как и в ряде аналогичных случаев (Strabo. IV. 6. 9)¹⁹, являлось своеобразным видом «трудовой» деятельности. Оно в решающей степени было обусловлено сравнительно слабой продуктивностью производящего замкнутого хозяйства тавров и его застойностью в природных условиях горной Таврики²⁰, а

¹⁵ Ср. Куббель Л.Е. Первобытность и классовые общества. 1. Первобытная периферия классовых обществ // История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988. С. 472–474. О подходах американской антропологии к вопросам культурных контактов подробнее см. Махортых С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев, 2003. С. 20–24.

¹⁶ Подробнее см. Куббель. Ук. соч. С. 470–490.

¹⁷ Лесков А.М. Горный Крым в первом тысячелетии до н.э. Киев, 1965. С. 167–170; Пальцева Л.А. Культ богини Девы в Херсонесе // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 44; Шеглов А.Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // ДСППВГК. С. 209; он же. Финал кизил-кобинской культуры и поздняя история тавров // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тез. докл. конф. СПб., 1998. С. 66–68; Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры, скифы, сарматы. Симферополь, 1995. С. 19–20; Рогов Е.Я. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. 1996. № 1. С. 73.

¹⁸ Брашинский И.Б. Понтийское пиратство // ВДИ. 1973. № 3. С. 129.

¹⁹ Зельин К.К., Трофимова М.К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969. С. 195–200; Куббель. Ук. соч. С. 488.

²⁰ Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев, 1996. С. 80–81; Рогов. Экология... С. 73; ср. Трофимова М.К. Эллинистическое пиратство // ВДИ. 1963. № 4. С. 56, 73; Брашинский. Ук. соч. С. 124.

также развитием мореплавания вдоль берегов Таврики²¹. Вследствие этого только занятие пиратством могло привести к сравнительно быстрому обогащению лиц, участвовавших в таких акциях (ср. Herod. IV. 103), и появлению привилегированного слоя в обществе²². Но, судя по кизил-кобинским погребальным комплексам²³, процесс социальной дифференциации таврского общества практически еще не начался. Хотя наличие оружия в ряде погребальных комплексов кизил-кобинской культуры свидетельствует о том, что в таврском обществе уже существовало определенное имущественное неравенство²⁴, но в целом его следует рассматривать как родовое, позднепервобытное, находившееся на предклассовой стадии развития²⁵, на стадии родовой общины или перехода к первобытной соседской общине²⁶. Незавершенность социальной стратификации и стойкие традиции первобытнообщинного строя были характерны не только для тавров, но и вообще для населения, которое жило в горной местности. Экологические условия и занятие пастбищным скотоводством предопределяли чрезвычайную устойчивость патриархального уклада жизни таких народов²⁷.

Следовательно, уровень развития греческих колонистов и аборигенного населения был настолько разным, что это не могло не отразиться на характере контактов между ними и должно было привести к своеобразному барьеру между таврами и херсонеситами²⁸. Ведь именно уровень внутреннего развития общества является важнейшим фактором восприятия внешнего воздействия²⁹. Именно этого важного положения не учитывают исследователи, которые говорят о тесных контактах между греками и таврами уже с момента основания Херсонеса, идеализируя тем самым характер греко-варварских отношений в Западной Таврике³⁰.

Сказанное хорошо согласуется с имеющимся археологическим материалом. Новая греческая апоikia была основана на берегу Гераклеийского полуострова в третьей четверти VI в. до н.э.³¹ не только на месте более раннего поселения

²¹ Ср. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 42.

²² Хазанов А.М., Куббель Л.Е., Созина С.А. Первобытная периферия докапиталистических обществ // Первобытная периферия. М., 1975. С. 187–188.

²³ Крис. Ук. соч. С. 34–51; Храпунов. Очерки этнической истории... С. 12–17; Колотухин. Ук. соч. С. 30–34; Шеглов. Финал кизил-кобинской культуры... С. 66–70.

²⁴ Крис. Ук. соч. С. 44–45; Колотухин. Ук. соч. С. 80.

²⁵ Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989. С. 74–90.

²⁶ Хазанов, Куббель, Созина. Ук. соч. С. 191–193.

²⁷ Першиц А.И. Первобытность и классовые общества. 2. Остатки первобытнообщинного строя в классовых обществах // История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988. С. 527.

²⁸ Ср. Куббель. Ук. соч. С. 490–491.

²⁹ Ср. Хазанов, Куббель, Созина. Ук. соч. С. 191–193.

³⁰ Ср. Бондаренко. Ук. соч. С. 20–25 с литературой.

³¹ Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. 9. С. 36–46; Суриков И.Е. О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. 2002. Т. 12. С. 73–74, 78; ср. Монахов С.Ю., Амбросимова Э.Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // Античный мир и археология. 1993. Вып. 9. С. 140–141; Шевченко А.В. Культурные терракоты раннего Херсонеса (V – первая половина IV в. до н.э.) // ВДИ. 1998. № 3. С. 67–68; Рогов Е.Я. Общественный источник в юго-восточной части Херсонесского городища // Археология. 2001. № 4. С. 112–113; он же. Херсонес... С. 146–147.

или поселений кизил-кобинской культуры³², но и в населенном носителями кизил-кобинской культуры районе³³. Это привело к тому, что уже на начальном этапе своего существования греки-херсонеситы столкнулись с аборигенами и военной силой начали вытеснять носителей кизил-кобинской культуры с Гераклеяского полуострова. Такой путь освоения новых земель был вполне в духе той модели колонизации, которую принято именовать дорийской или мегарской³⁴, ярким примером чему служат ранняя история метрополии Херсонеса – Гераклеи Понтийской и ее взаимоотношения с мариандинами (Just. XVI. 3)³⁵. Причем имеющийся археологический материал свидетельствует о том, что в районе Херсонеса какие-либо устойчивые хозяйственные контакты между греками и таврами отсутствовали³⁶.

Появление ранней оборонительной стены в Херсонесе, а несколько позднее двух укреплений в районах древнейших земельных наделов, безусловно, свидетельствуют о том, что в конце V – на рубеже V–IV вв. до н.э. отношения между греками и носителями кизил-кобинской культуры обострились и переросли в перманентное вооруженное противостояние, что было обусловлено началом активного вытеснения тавров с мест их постоянного проживания с целью расширения греками зоны своей сельскохозяйственной деятельности. Этим были обусловлены меры, направленные на защиту не только самого полиса, но и земельных владений его граждан, прослеженные археологически³⁷. Процесс рас-

³² Фирсов Л.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976. С. 81; Савеля О.Я. Археологические материалы к истории Гераклеяского полуострова доколониационного периода // ХСб. 1996. 7. С. 16, № 9/70; Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Севастополь, 1999. Ч. 1. С. 17.

³³ Стржелецкий С.Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 66–67; Савеля. Археологические материалы... С. 13–18; *он же*. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // ХСб. 1997. 8. С. 88–89; Шеглов. Тавры и греческие колонии... С. 212–218; Виноградов Ю.Г., Шеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 314; Рогов. Экология... С. 72–74; Николаенко. Хора Херсонеса. ... Ч. 1. С. 12–25; *она же*. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Ч. 2. Севастополь, 2001. С. 148–157, прил. 1.

³⁴ Сапрыкин С.Ю. Полисы и местное население Южного Причерноморья в архаическую и классическую эпохи // ДСППВГК. С. 19–22; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. М., 1985. С. 172–177; Шеглов А.Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии. Л., 1986. С. 174; Виноградов, Шеглов. Ук. соч. С. 370; Доманский Я.В., Фролов Э.Д. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII–I вв. до н.э.) // Античные полисы и варварское население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 82, 85; Рогов. Некоторые проблемы... С. 116, 121–122; Колесников М.А. Греческая колонизация Средиземноморья (Опыт анализа миграционного механизма). Киев, 2003. С. 83.

³⁵ Фролов Э.Д. Гераклеяские мариандины: к проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации // ДСППВГК. С. 22–33; *он же*. Рождение греческого полиса... С. 84–85; Сапрыкин. Полисы и местное население... С. 13; *он же*. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 30–33; *он же*. О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ. 1994. № 3. С. 130; Виноградов, Шеглов. Ук. соч. С. 315.

³⁶ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004. С. 12–13.

³⁷ Там же. С. 15–16.

ширения территорий, контролировавшихся херсонесской гражданской общиной, шел под покровительством богини Партенос и, таким образом, был обоснован идеологически³⁸. С.А. Коваленко считает, что вытеснение тавров с Маячного полуострова и победа над ними были ознаменованы специальным выпуском монет с изображением богини Партенос в лавровом венке. Этот выпуск он относит к 70-м годам IV в. до н.э.³⁹

Около середины IV в. до н.э. большая часть Гераклеяского полуострова, вплоть до Сарандинакиной балки на северо-востоке и до Каранских высот на юге, с применением единого модуля была размежевана на более чем 440 прямоугольных земельных участков, которые были отделены друг от друга транспортными и межевыми дорогами⁴⁰. В связи с этим следует обратить внимание на серию херсонесских монет с изображением сидящей Партенос со стрелой в руке и стоящей рядом ланью⁴¹. Исследователи полагают, что богиня сидит на камне, который олицетворял границы полисных владений и в данном случае Партенос выступает как защитница этих границ⁴². Если так, то эта серия монет, которая датируется временем около 370–360-х годов до н.э.⁴³, может быть связана с продвижением границ полиса на восток, что непосредственно предшествовало сплошной размежевке Гераклеяского полуострова.

На основании публикаций О.Я. Савели долгое время считалось, что после освоения херсонеситами Гералейского полуострова на гребне и склонах Сапун-горы располагалась цепь таврских поселений. Их жители рассматривались как основная рабочая сила, которая (будучи категорией зависимой, типа гераклеяских мариандинов) использовалась для обработки земельных наделов на Гераклеяском полуострове. Этот слой населения был втянут не только в экономическую, но и в культурную сферу Херсонеса и подвергся сильной эллинизации⁴⁴.

Однако знакомство с отчетами О.Я. Савели показало, что реальная картина была иной⁴⁵. Сейчас нет никаких оснований говорить о наличии значительного количества варварских поселений на границах размежеванной территории хоры Херсонеса на Гераклеяском полуострове в IV–III вв. до н.э. и о привлечении его обитателей для обработки сельскохозяйственных наделов херсонеситов⁴⁶. Археологическими источниками достаточно четко фиксируется, что к середине IV в. до н.э. тавры вооруженной силой были вытеснены за границы Гераклеяского полуострова, о чем, в частности, свидетельствуют следы пожаров на посе-

³⁸ Русяева А.С., Русяева М.В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 11–12.

³⁹ Коваленко С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. 1999. 16. С. 127.

⁴⁰ Николаенко. Хора Херсонеса... Ч. 1. С. 40, 79; Ч. 2. С. 3.

⁴¹ Андохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 20, № 8.

⁴² Русяева, Русяева. Ук. соч. С. 129, 131.

⁴³ Коваленко. Ук. соч. С. 127–128. Табл. III, 3.

⁴⁴ Подробнее см. Бондаренко. Ук. соч. С. 22–23 с литературой.

⁴⁵ Подробнее см. Zubar' V.M., Kravčenko E.A. Interpretation of Group of Archaeological Sites in the Vicinity of Tauric Chersonesos // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday. Aarhus University Press, 2003. P. 185–196; Zubar' B.M., Kravčenko Э.А. Об одном аспекте греко-таврских взаимоотношений в окрестностях Херсонеса Таврического в середине IV в. до н.э. // ПИФК. 2003. Т. 13. С. 70–77.

⁴⁶ Zubar', Kravčenko. Op. cit. P. 192; Zubar', Kravčenko. Ук. соч. С. 74–75; Zubar'. Херсонес Таврический... С. 61–64.

лениях⁴⁷. Следовательно, нет оснований говорить о каких-то социальных контактах между греками и носителями кизил-кобинской археологической культуры на Гераклейском полуострове⁴⁸, в результате которых тавры могли попасть в Херсонес.

Сказанное свидетельствует о том, что с момента основания Херсонеса между греками-колонистами и носителями кизил-кобинской культуры, безусловно, преобладали военные контакты, которые в итоге привели к постепенному вытеснению таврского населения за пределы территорий, осваивавшихся херсонеситами на Гераклейском полуострове. Такое заключение, сделанное на основе анализа всего имеющегося сейчас комплекса археологического материала, со всей очевидностью противоречит выводу о мирных и тесных взаимоотношениях херсонеситов с таврами или о том, что носители кизил-кобинской культуры «по доброй воле» уступили грекам земли на Гераклейском полуострове, переселившись «в прилегающие Балаклавскую и Инкерманские долины»⁴⁹.

Враждебный характер отношений греков и тавров в первую очередь был обусловлен значительной разницей стадийного уровня развития колонистов и аборигенного населения. Это в конечном итоге не позволило наладить между ними какие-либо мирные и устойчивые контакты в хозяйственной, социальной, культурно-идеологических и иных сферах, как это имело место в других районах дорийской колонизации, где туземное население, как правило, составляло социально зависимые слои⁵⁰. С другой стороны, указанная особенность взаимодействия греков и тавров во многом предопределила определенную деградацию социально-экономического развития последних⁵¹, ассимиляцию их скифами⁵², а также особенности дальнейшего исторического развития Херсонеса и специфику взаимоотношений его жителей с варварами на протяжении последующих веков⁵³.

Преимущественно военный характер взаимоотношений херсонеситов и тавров на протяжении классического и эллинистического периодов противоречит заключению о том, что уже с самого раннего этапа существования Херсонеса в среде его населения шла инфильтрация групп или отдельных индивидов из среды носителей кизил-кобинской культуры. Как свидетельствуют исторические параллели, такое положение могло сложиться лишь в результате мирного взаимодействия различных социумов⁵⁴. Однако характер контактов между херсонеситами и таврами, судя по всему комплексу имеющихся сейчас источников, носил прямо противоположный характер.

Пытаясь аргументировать тезис о присутствии тавров в составе населения раннего Херсонеса, исследователи обычно используют в качестве главного аргумента археологический материал. В первую очередь обращается внимание на

⁴⁷ Зубарь. Херсонес Таврический... С. 63–64.

⁴⁸ Ср. Куббель. Ук. соч. С. 478, 488–489.

⁴⁹ Бондаренко. Ук. соч. С. 21.

⁵⁰ Ср. Кошеленко Г.А. Древнегреческий полис. Введение // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 20–21.

⁵¹ Ср. Фролов. Рождение греческого полиса. С. 84; Куббель. Ук. соч. С. 490–491.

⁵² Подробнее см. Айбабин, Герцен, Храпунов. Ук. соч. С. 213–214; Храпунов. Очерки этнической истории... С. 24; он же. Об этнических процессах в Крыму в римское время // ПИФК. 2001. Т. 10. С. 165; Пуздровский А.Е. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 1999. № 4. С. 109.

⁵³ Подробнее см. Зубарь. Херсонес Таврический... С. 67 сл.

⁵⁴ Ср. Куббель. Ук. соч. С. 478–479.

захоронения в скорченном положении, которые свидетельствуют «...о свободном и независимом положении туземных элементов в Херсонесе, а впоследствии – о равноправном их положении»⁵⁵ в составе населения, фрагменты лепной посуды кизил-кобинских типов, обнаруженные в нижних слоях городища, и наличие в херсонесском пантеоне якобы варварского по происхождению культа богини Партенос, заимствованного у таврского населения на самом раннем этапе существования полиса. Действительно, в древнейшем некрополе Херсонеса открыта довольно представительная группа захоронений в скорченном положении, которые в своем большинстве датируются V–III веками до н.э.⁵⁶ Однако не все костяки, отнесенные к скорченным, являются таковыми. Собственно скорченными следует считать только те, которые похоронены в «утробном» положении, на боку, с прижатыми к тулову руками и ногами⁵⁷. Если говорить о количественном соотношении вытянутых и скорченных костяков в некрополе Херсонеса классического и эллинистического периода, то последние составляли по разным оценкам от 9 до 30% общего количества всех зафиксированных⁵⁸.

Вопрос об атрибуции захоронений в скорченном положении херсонесского некрополя дискутируется достаточно давно⁵⁹. Причем результаты этой дискуссии со всей очевидностью показали, что «этнический подход» к рассматриваемой проблеме только на основе положения костяка в могиле не позволил сколько-нибудь убедительно атрибутировать такие погребения. Но категорически нельзя согласиться с теми исследователями, которые полагают, что вопрос о захоронениях в скорченном положении на современном уровне знаний вообще не может быть позитивно решен⁶⁰. Ключ к решению этой проблемы, безусловно, лежит в области греческой идеологии, тесно связанной с погребальным культом и имущественным положением родственников умершего⁶¹. Конкретные проявления этих верований эллинов были чрезвычайно многообразны и изучены еще недостаточно. Базовой отраслью экономики полиса, как, впрочем, и греческого общества в целом задолго до Великой греческой колонизации, являлось сельское хозяйство. Поэтому в основе религиозных представлений греков, которые уже сложились к архаическому периоду, лежали более древние верования, связанные с хтонической мифологией и земледельческими культами, в основе которых была идея плодородия⁶². Именно они оказали весьма сильное воздействие на традиционную греческую религию. Олимпийские божества да-

⁵⁵ Бондаренко. Ук. соч. С. 23.

⁵⁶ Подробнее см. Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // Археологический сборник. 1978. Вып. 19. С. 51–52; он же. Некрополь Херсонеса классической эпохи. С. 169–171; Кадеев. Об этнической принадлежности... С. 108–116; Зубар. Скорчені поховання... С. 137–146.

⁵⁷ Зубар. Скорчені поховання... С. 138.

⁵⁸ Кадеев. Об этнической принадлежности... С. 111; он же. Еще раз об этнической принадлежности... С. 34; Зубарь. Скорчені поховання... С. 138.

⁵⁹ Литературу см. Зубарь. Херсонес Таврический... С. 17–18.

⁶⁰ Рогов. Некоторые проблемы... С. 124; он же. Херсонес... С. 144; ср. Стоянов П.В. Погребенные в скорченном положении в греческих некрополях Причерноморья: состояние проблемы и перспективы ее решения // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы Междунар. научн. конф. СПб., 2002. Ч. 2. С. 300–301.

⁶¹ Ср. Burkert W. Greek Religion: Archaic and Classical. Oxf., 1985. P. 192; Morris I. Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambr., 1996. P. 17–18; Garland R. The Greek Way of Death. Ithaca–New York, 2001. P. 73, 88.

⁶² Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 31–88.

же в период наивысшего расцвета греческой цивилизации сохранили в себе элементы древнего хтонизма⁶³, чем во многом объясняется ряд архаических черт религиозных верований греков⁶⁴. Поэтому весьма продуктивным представляется заключение о том, что погребения в скорченном положении связаны с идеей «обратимости», а в более широком плане – с земледельческой религией эллинов и являются одной из архаических форм ее проявления⁶⁵. Ведь для культа мертвых вообще было характерно очень долгое «бытование мировоззрительной традиционной архаики»⁶⁶.

Учитывая определенную консервативность дорийцев⁶⁷, скорченная поза погребенных может, вероятно, объясняться особенностями религиозных воззрений части их на погребальный культ, в которых на протяжении довольно длительного периода сохранялся очень древний пласт верований⁶⁸, в том числе связанных с жизнью и смертью⁶⁹. Ибо, несмотря на безусловный прогресс в области культуры в Элладе, под ее внешними блестящими проявлениями очень долго скрывалась «неизменная архаическая сущность»⁷⁰, которая и проявлялась в погребальном обряде.

Захоронения в скорченном положении, открытые в некрополе Херсонеса, либо безынвентарные, либо сопровождались очень скромным набором погребального инвентаря, представленным одной-двумя недорогими вещами. Это позволяет предполагать, что они принадлежали представителям если не зависимого населения, то небогатых его слоев, в среде которых уже на новом месте очень долго сохранялись архаические по своей природе верования, уже забытые в метрополии⁷¹.

Наличие захоронений в скорченном положении в античных некрополях различных регионов Причерноморья позволяет предполагать, что такие архаические верования, связанные с погребением умерших, были характерны не только для греков-дорийцев, но и для ионийцев, которыми были основаны поселения на о-ве Березань, Ольвия и Боспорские центры. Однако, пожалуй, наибольший процент таких захоронений IV–III вв. до н.э. все-таки зафиксирован пока только в Херсонесе⁷², что составляет одну из особенностей античного некрополя этого центра. Наличие захоронений в скорченном положении, таким образом, является следствием консервативности взглядов херсонеситов на погребальный культ по сравнению с жителями ионийских центров региона, а не безусловным показателем присутствия в составе населения города тавров или вообще выходцев с варварской периферии, которые жили в городе и хоронили своих умерших род-

⁶³ *Burkert*. Op. cit. P. 189–190.

⁶⁴ *Руслева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 31–34.

⁶⁵ Подробнее см. *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. С. 41; *Лапин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 221; *Burkert*. Op. cit. P. 189–190; *Сорокина Н.П.*, *Сударев Н.И.* Способы обращения с телами погребаемых в некрополе Кеп // *Боспорский феномен...* Ч. 1. СПб., 2002. С. 281; *Зубарь.* Херсонес Таврический... С. 18–19.

⁶⁶ *Фрейденоберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978. С. 131.

⁶⁷ Ср. *Колесников.* Ук. соч. С. 83.

⁶⁸ Ср. *Зайков А.В.* Эпаменид в Спарте // *ВДИ.* 2002. № 4. С. 118–122.

⁶⁹ *Зубарь.* Скорчені поховання... С. 141–142.

⁷⁰ *Фрейденоберг.* Ук. соч. С. 47.

⁷¹ Ср. *Graham A.J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. 2nd ed. Chicago, 1983. P. 14.

⁷² *Зубарь.* Скорчені поховання... С. 138; ср. *Кадеев.* Об этнической принадлежности... С. 111; *он же.* Еще раз об этнической принадлежности... С. 34.

ственников рядом с греками⁷³. Поэтому формальный подход к исследованию захоронений в таком положении, которые зафиксированы в античных некрополях, не отвечает современному уровню развития науки и должен рассматриваться не иначе, как анахронизм.

В качестве еще одного доказательства присутствия в составе населения Херсонеса варваров, в частности таврских женщин, взятых в жены молодыми колонистами, традиционно приводится факт находок в процессе раскопок лепной керамики кизил-кобинских типов⁷⁴. Впервые предположение о возможных браках молодых греческих переселенцев с туземными женщинами, которые могли изготавливать такую керамику, высказал В.П. Яйленко, ссылаясь на Геродота⁷⁵. Несмотря на то, что это положение никак не было аргументировано, в том числе и применительно к конкретно-историческим условиям Северного Причерноморья, оно превратилось в научную аксиому, которая стала повторяться с завидным постоянством⁷⁶. Такое положение нашло отражение и в работе М.Е. Бондаренко, который, вслед за своими предшественниками, на основании этого «осторожного», по словам М.И. Золотарева⁷⁷, предположения В.П. Яйленко сделал ряд весьма важных выводов исторического плана. Поэтому о лепной керамике кизил-кобинского облика из Херсонеса следует сказать несколько слов.

На территории Херсонесского городища в разные годы в самой нижней части культурного слоя, на скале, были найдены кремневые орудия труда и обломки лепной кизил-кобинской керамики с наклепным орнаментом, которая датируется первой половиной I тыс. до н.э.⁷⁸, а в слоях позднеклассического и эллинистического времени – немногочисленные обломки сосудов с врезным гребенчатым

⁷³ *Зубарь*. Херсонес Таврический... С. 18–19.

⁷⁴ *Бондаренко*. Ук. соч. С. 23 с литературой.

⁷⁵ *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 40. Прим. 103; *он же*. Архаическая Греция // *Античная Греция*. Т. 1. М., 1983. С. 154. Прим. 60. Следует отметить, что в том месте, на которое ссылается В.П. Яйленко, Геродот сообщает о браках ионийцев с карийскими женщинами в Милете (I. 146). Поэтому вряд ли этот факт, который, судя по контексту повествования Геродота (I. 145), относится к дополисному периоду в истории Греции, можно использовать в качестве надежного аргумента для реконструкции практики периода Великой греческой колонизации (ср. *Кутайсов В.А.* Керкинитиды в античную эпоху. Киев, 2004. С. 101), ссылаясь лишь на то, что среди греческих колонистов преобладала молодежь (*Яйленко*. Греческая колонизация... С. 40. Прим. 103). Объясняется это тем, что В.П. Яйленко вообще рассматривает античность «в примитивизирующем духе» (*Фролов*. Рождение греческого полиса. С. 58. Прим. 11), а тезис о том, что колонисты брали в жены туземных женщин, должен был проиллюстрировать «кооперацию» греческих переселенцев и варварского населения Северного Причерноморья (*Яйленко*. Архаическая Греция. С. 140–154), с чем категорически нельзя согласиться (см. *Фролов*. Рождение греческого полиса. С. 82–88). Нельзя согласиться и с тем, что одной из основных особенностей аттико-ионийской колонизации была экспроприация греками-колонистами женщин из среды туземного населения (*Колесников*. Ук. соч. С. 71; *Кутайсов*. Ук. соч. С. 101).

⁷⁶ Ср. *Даниленко*. Ук. соч. С. 237; *Кутайсов*. Ук. соч. С. 101.

⁷⁷ *Золотарев М.И.* О государственных границах Херсонеса Таврического в IV в. до н.э. // *ANAXAPΣIΣ*. Памяти Ю.Г. Виноградова. ХСб. 2001. 11. С. 102.

⁷⁸ *Белов*. Херсонес Таврический. С. 32; *Стржелецкий*. Основные этапы... С. 67; *Савеля*. Археологические материалы... С. 16. № 9/70; *Сенаторов С.Н.* Ранняя кизил-кобинская керамика из раскопок в Херсонесе // *Археологические вести*. 2000. Вып. 7. С. 159–163; *он же*. Кизил-кобинская керамика конца VI – первой половины IV в. до н.э. из раскопок Херсонеса // *ХСб*. 2003. 12. С. 14–28.

орнаментом⁷⁹. Учитывая, что культурный слой предшествовавшего возникновению Херсонеса времени пока не выявлен, можно предположить, что эти находки свидетельствуют о наличии на месте греческой апойкии более раннего кизил-кобинского поселения⁸⁰, а не о проживании в городе тавров, в частности женщин, которые в домашних условиях изготавливали лепную керамику. Весьма показательным в этом отношении и то, что при разборке культурного слоя конца VI – первой половины V в. до н.э. в северо-восточном районе Херсонеса были найдены обломки лепных чернолощеных кубков, датирующиеся временем не позднее VI в. до н.э.⁸¹

С другой стороны, в последнее время происходит удревление хронологии археологических материалов Северного Причерноморья времени перехода от эпохи бронзы к железному веку⁸². Поэтому вполне реально ожидать соответствующих изменений в хронологии кизил-кобинской культуры, а также пересмотра времени бытования отдельных типов ее керамики, датировка которых сегодня уже явно устарела. В том числе это касается и лепной керамики из раскопок Херсонесского городища, опубликованной в самое последнее время⁸³. Ведь вся кизил-кобинская керамика из раскопок в Херсонесе обнаружена вне закрытых археологических комплексов, а это не позволяет синхронизировать ее с хорошо датированной античной и рассматривать в качестве бесспорного доказательства присутствия негреческого компонента в составе населения раннего Херсонеса.

И, наконец, необходимо несколько слов сказать о культе Партенос, которая являлась верховной покровительницей херсонесской гражданской общины с момента основания полиса и вплоть до распространения здесь христианства⁸⁴. В работе А.С. и М.В. Русяевых эта проблема рассмотрена с исчерпывающей полнотой⁸⁵, что избавляет от необходимости повторять историографию вопроса и аргументацию греческой природы этого божества. Сторонники варварской

⁷⁹ Савеля О.Я. О керамике с резным орнаментом из Херсонеса // КСИА. 1979. 124. С. 48–50; ср. Сенаторов С.Н. О кизил-кобинской керамике из Херсонеса // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи. Тез. докл. конф. Севастополь, 1987. С. 7–8; Рогов. Херсонес... С. 141–142.

⁸⁰ Фирсов. Ук. соч. С. 80–81, 162; Савеля. Археологические материалы... С. 16; Рогов. Некоторые проблемы... С. 122; Николаенко. Хора Херсонеса... Ч. 1. С. 17; ср. Сенаторов. О кизил-кобинской керамике... С. 7–9.

⁸¹ Сенаторов С.Н. О керамике с гребенчатым орнаментом из Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. конф. Севастополь, 1988. С. 100; *он же*. Ранняя кизил-кобинская керамика... С. 162.

⁸² Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. № 4. С. 33–53; Колотухин. Ук. соч. С. 51; Стоянов Т. Могилен некропол от раннежелезната эпоха «Сборяново» I. София, 1997. С. 85; Левицкий О.Г. Раннегалльштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье – о диалоге миров // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002. С. 180–205.

⁸³ Сенаторов. Кизил-кобинская керамика... С. 14–28.

⁸⁴ Мецзяков. О культе богини Девы... С. 104–119; Пальцева. Культ богини Девы... С. 30–46; *она же*. Проблемы политической истории Херсонеса Таврического в V–I вв. до н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1980. С. 16–18; Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.). Харьков, 1996. С. 150; подробнее см. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 55; *она же*. Религиозный аспект исторической новеллы о Гикии Константина Багрянородного // МΥΣΕΙΟΝ. Профессору А.И. Зайцеву ко дню 70-летия. СПб., 1997. С. 281–290; Русяева, Русяева. Ук. соч. С. 106–111.

⁸⁵ Русяева, Русяева. Ук. соч.

основы культа богини Партенос считают, что он был заимствован греками у тавров на начальном этапе существования полиса в результате имевших место тесных контактов между этими этносами, а затем, слившись с образом Артемиды, получил значительное распространение в качестве главного полисного культа⁸⁶. Учитывая полное отсутствие данных источников о негреческом характере происхождения культа Партенос⁸⁷, с таким заключением согласиться нельзя. Противоречит этому и тот хорошо установленный факт, что в определенном сословно-классовом обществе, каким являлся ранний Херсонесский полис, хозяйство, социальная структура, духовная культура и идеология существовали в виде целостной системы, а изменение одного из ее элементов неизбежно должно было повлечь изменение остальных составляющих⁸⁸. Поэтому заимствование у тавров, стоявших на более низкой, чем греки-херсонеситы, стадии общественного развития, культа варварского женского божества или только его названия (что, впрочем, пока не доказано), должно было отразиться на других сторонах жизни эллинов и предопределить более или менее мирный характер отношений с носителями кизил-кобинской культуры. Видимо, понимая это, М.Е. Бондаренко в своей работе всячески подчеркивает дружественный и устойчивый характер контактов эллинов и тавров в окрестностях Херсонеса. Однако все сказанное, а также то, что известно о полисе как о достаточно закрытой социально-политической структуре⁸⁹, полностью противоречат этому.

Античный мир не знал строгих религиозных догматов и государственной церковной организации. Главным в сакральных действиях было строгое соблюдение правил публичного отправления культов богов-покровителей гражданской общины⁹⁰, которые должны были способствовать благосостоянию и безопасности полиса и каждого его члена. В каждом полисе имелся свой покровитель, которому отдавалось предпочтение. Как правило, такое божество мыслилось как многофункциональное, так как оно должно было отвечать религиозным запросам разных групп населения, входивших в гражданский коллектив⁹¹.

Верховная богиня Херсонеса Партенос, которая являлась одной из ипостасей греческой Артемиды, была сакральным ойкистом, а впоследствии главным божеством-покровителем полиса⁹². С VI в. до н.э. с Таврикой эллины связывали мифы об Ифигении, перенесенной Артемидой в далекую страну тавров⁹³. Поэтому ввиду широкой популярности этого мифа в греческом мире ее образ в конкретно-исторических условиях Таврики, скорее всего, был переосмыслен, и чистая, целомудренная богиня, способная защитить от опасностей и наделенная новыми функциями, превратилась в главное локальное божество и стала именоваться херсонеситами просто Партенос⁹⁴. Именно этим, а не таврским проис-

⁸⁶ Бондаренко. Ук. соч. С. 25, 32.

⁸⁷ Подробнее см. там же. С. 26–31.

⁸⁸ Clarke D.L. Analytical Archaeology. L., 1968. P. 50–51; Куббель. Ук. соч. С. 486.

⁸⁹ Ср. Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима III–I вв. до н.э. М., 1977. С. 39–40.

⁹⁰ Burkert. Op. cit. P. 8; Нильссон. Ук. соч. С. 110–111.

⁹¹ Ср. Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков. СПб., 2000. С. 9.

⁹² Русяева, Русяева. Ук. соч. С. 73; Русяева А.С. Культы и святилища в сфере политики демократических полисов Северного Причерноморья в раннеэллинистическое время // ВДИ. 2000. № 3. С. 75–76.

⁹³ Русяева, Русяева. Ук. соч. С. 14–18; ср. Бабинов Ю.А. Местные элементы в религии Херсонеса Таврического // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М., 1972. С. 28.

⁹⁴ Пальцева. Культ богини Девы... С. 46; Русяева, Русяева. Ук. соч. С. 75.

хождением определяется своеобразие культа верховного многофункционального божества Херсонеса и его имя.

Итак, имеющиеся источники, и в первую очередь археологические, свидетельствуют о долговременном вооруженном противостоянии греков-херсонеситов и тавров, которое фиксируется с момента основания Херсонеса. Такой характер контактов во многом предопределил особенности развития херсонесской гражданской общины. Это, с одной стороны, хорошо согласуется с имеющимися историческими параллелями и теоретическими разработками проблемы характера взаимодействия обществ, стоявших на разных ступенях развития, а с другой – позволяет уверенно говорить об отсутствии в составе населения этого античного центра таврских этнических элементов или об их сколько-нибудь заметном влиянии на греческое население. Ведь с периода архаики в Греции начинает достаточно четко проявляться осознанная этническая и социальная оппозиция эллинства варварству⁹⁵. Поэтому, вероятно, настало время полностью отказаться от устойчивых стереотипов о «трудовой кооперации» и «мирной конвергенции» тавров и греков-херсонеситов⁹⁶, сложившихся в XX в. и обусловленных чисто политической конъюнктурой. Для изучения характера взаимодействия указанных этнических групп следует шире, чем это делалось ранее, привлекать сравнительный материал и новые научные подходы, а также учитывать определенное своеобразие исторического и культурного развития дорийского населения Херсонеса в сравнении с другими античными центрами северопричерноморского региона, на что еще в I в. н.э. обратил внимание Плиний Старший (NH. IV. 85).

ON AN ATTEMPT TO REVIVE AN OUTDATED HISTORICAL CONCEPT: CHERSONESUS AND THE TAURI

V. M. Zubar

Some recent publications tend to idealize the relations between the Greeks and the Tauri during the early period of the development of Chersonesus Taurica. Using new approach to the problem and re-analysing various archaeological and other evidence, the author shows that, as the sources witness, armed conflicts between the Greeks and the Tauri began at the very moment of the foundation of Chersonesus and recurred during a long period of time.

The fact, on the one side, agrees with well-known historical parallels and theories having to do with contacts between societies standing on different levels of development, and, on the other, gives the author grounds to assert that the Tauric element was absent from this ancient Greek centre or, at least, did not affect the ethnic structure of its population. He invites the scholars to discard the stereotype view of «co-operation» or «peaceful convergence» of the Tauri and Chersonesian Greeks, this view being a survival of the 20th century political conjuncture. To study more productively the relations between the ethnic groups in question, one must use more actively comparative data and new approaches, taking into consideration peculiarities of historical and cultural development of Chersonesus' Doric population as compared with other North Pontic centres.

⁹⁵ См. Фролов. Рождение греческого полиса. С. 75.

⁹⁶ Ср. там же. С. 82.